

«ПРОТИВ ТИРАНИИ ЖИЗНИ»

В книгах Уильяма Стайрона есть черта, которая выделяет их на фоне современной американской литературы. Он — один из весьма немногочисленных литераторов, о которых можно с уверенностью сказать, что они никому не подражают, не стремятся всячески продемонстрировать читателю, что им ведомы все секреты ремесла, но пишут для того, чтобы высказать свое понимание проблем американской жизни. Так был написан первый роман двадцатилетнего писателя «Сникаю во мраке» (1951) — история дегенерации людей в отравленной атмосфере Америки первых послевоенных лет. Так было и с книгой «Сожги ту обитель» (1960), выразившей глубокий кризис американского духа в эпоху «молчаливого поколения» 50-х годов. Так было и с последним романом Стайрона «Признания Ната Тернера» (1967), вызвавшим острую полемику.

Повесть Стайрона «Долгий марш», опубликованная «Иностранной литературой» полтора года назад, представила нам писателя, остро восприимчивого к жестокой и откровенной правде жизни. Достаточно прочитать первые же строки «Долгого марша» про то, как «однажды в полдень, в разгар безоблачного лета в Каролине, по сухому игольнику, по листьям плюща и веткам сосен разметаны были останки восьми молодых солдат», — чтобы ощущение пронзительного трагизма и выстраданной человечности уже не покидало читателя до последней страницы этой книги.

Стайрон впервые приехал в нашу страну. Он побывал в Ташкенте, на Международном симпозиуме писателей стран Азии и Африки. Поездкой он очень доволен, в ближайших планах — большая статья обо всем, что он у нас увидел. Роуз Стайрон, супруга нашего гостя, давно интересуется русской поэзией, переводит. В Америке нашу поэзию знают еще плохо, лучшему знакомству должна помочь антология «Поэты на перекрестках», которую Роуз Стайрон надеется опубликовать в начале 1969 года;

в ней будут представлены поэты разных поколений — от Марины Цветаевой до Андрея Вознесенского.

Мы, разумеется, хотим узнать мнение крупного писателя о литературе, которую он представляет. Когда мы спрашиваем Стайрона, что он думает о том или ином своем собрате по перу, об американской литературе в целом, он предпочитает отшучиваться; однако наша настойчивость вознаграждена:

— Я бы никогда не решился высказываться на такие темы у себя на родине, — говорит Стайрон, — но раз уж мы в СССР, так и быть, рискну. Мне кажется, что американская литература переживает сейчас полосу подъема; заметьте, я говорю о литературе, а не о том чтive, которым у нас по-прежнему завалены книжные прилавки. Вы спрашиваете, чем можно объяснить этот подъем? Видите ли, кажется, что ситуация в Америке в целом ныне внушает больше оптимизма, чем в конце 50-х годов, когда я писал «Сожги ту обитель». То были годы печально известной эры Эйзенхауэра, когда нами овладел дух безразличия, когда казалось, что интеллектуальная жизнь кончилась в Америке навсегда. А сейчас, несмотря на Вьетнам, несмотря на негритянский конфликт, эту, по-моему, центральную проблему нашей жизни, мы все-таки подаем гораздо больше надежд, чем прежде. Разумеется, то, что у нас делается, — ужасно. Но на смену безразличию теперь пришел дух протеста, и это позволяет смотреть на вещи не так мрачно.

Мы спрашиваем Стайрона, как выразился этот новый, характерный гражданской активностью этап в книгах современных американских писателей, где пролегал сегодня, так сказать, «основная сфера бунта» — в жизни и в литературе.

— Разумеется, я не критик и могу высказать только сугубо личное мнение,— отвечает наш гость.— Не берусь определять, какие направления в американском романе сейчас наиболее значительны. Очень активна, например, школа «черного юмора», она насчитывает десятки писателей, но я бы не сказал, чтобы она создала действительно значительную литературу. Да и крупных писателей, за исключением Джозефа Хеллера, автора прекрасного романа «Уловка 22», «черные юмористы» тоже не выдвинули. Они все время повторяют друг друга.

Что касается сферы бунта, то и здесь могу поделиться лишь собственными моими наблюдениями. Мне кажется, что этот бунт всеобъемлющ. Именно ему обязана современная литература основной своей чертой, которую я усматриваю в том, что еще со времен Кафки она изображала и изображает человека как бунтаря, мятежника, недовольного. И это бунт против тирании самой жизни, бунт против организации жизни в «цивилизованном» обществе, организации, которую люди сами выработали и от которой страдают. Я говорю это не потому лишь, что таково мое ощущение, но и потому, что я могу привести несколько конкретных примеров из новейшей американской литературы. Возьмите Сэлинджера; разве Холден Колфилд не классический бунтарь против самой жизни, посягающей на его индивидуальность? Или герой книги Ральфа Эллисона «Невидимка», одной из самых значительных послевоенных книг,— его анонимный персонаж-негр тоже живет в состоянии бунта. Эта же тема преобладает у Сола Беллоу — правда, по таланту я не сравнил бы его ни с Сэлинджером, ни с Эллисоном, но здесь сказываются уже личные пристрастия. Даже у Джона Чивера, как будто далекого от подобных настроений, всюду слышится крик отчаяния человека, бессильного бороться с дегуманизацией, на которую его обрекает общество. Если мне будет позволено привести пример из собственного творчества, все, что я написал, в той или иной форме, связано с той же самой темой бунта против тирании жизни. Я понял это, когда закончил «Ната Тернера».

«Тирания жизни» — понятие многозначное; оно вбирает в себя у Стайрона и отчуждение личности в бездушном мире, и трагедию поисков смысла существования в эпоху американского безвременья, и отчаяние человека, носителя неисчерпаемых возможностей человеческого духа, которые он — не по своей воле — не в силах реализовать.

Иногда в книгах Стайрона можно обнаружить нечто созвучное построениям экзистенциалистов; но происходит это не потому, что Стайрона влечет предлагаемая экзистенциализмом концепция истории и человека, а только потому, что его книги, пользуясь выражением Юрия Тынянова, принадлежат к явлениям «литературы на глубине», затрагивающей трагические аспекты современной действительности Запада.

Мы спрашиваем Стайрона, как возник у него замысел написать книгу о Нате.

— Я собирался сесть за этот роман еще в 1951 году, сразу же после выхода первой моей книги «Сникаю во мраке». Попробовал — и ничего не вышло. Писатели моего поколения — Норман Мейлер, Джеймс Джонс, например, — прошли войну, увидели жизнь в настоящем свете, этого опыта нам было не занимать. Я сам попал на войну, едва мне исполнилось восемнадцать. Но у меня тогда еще не сформировалось свое восприятие мира, свое понимание того, что с нами происходит — в Америке, да и не только. И я писал другие книги, но мне все время хотелось вернуться к Нату, ну хотя бы потому, что я происхожу из его краев и много слышал о нем с самого детства. Я не верю, что исторический роман может иметь ценность, если в нем не заключен какой-то важный комментарий к современной жизни — прежде всего к ее морали. И я знал, что восстание Ната Тернера — история как раз того рода, что имеет самое прямое отношение к нынешней ситуации в США. Поэтому я должен был написать эту книгу. И вот, в один жаркий день летом 1962 года я сказал себе: «Послушай, садись за машинку, иначе ты этого не напишешь никогда».

Помолчав, Стайрон добавляет:

— Я очень высоко ценю книгу Бернарда Маламуда. Но его последний роман «Мастеровой» — там, где он рассказывает историю рабочего-еврея в дореволюционном Киеве, — мне не понравился. Я не верю в героя-жертву от начала до конца. Что ни говорите о моем Нате, одного отрицать нельзя: он действует, борется.

И немного спустя, снова:

— Если «Ната» будут читать в будущем, мне хотелось бы, чтобы в нем прочли не историю рабства, а историю борьбы человека за свободу.

Мы знакомим Стайрона с нашим журналом, называем имена американских писателей, чьи произведения в последнее время печатались на страницах «Иностранной литературы»: Бел Кауфман, Лорейн Хэнсбери, Артур Миллер, Хемингуэй, Фолкнер. При имени Фолкнера наш гость оживает; он считает, что нужно печатать в первую очередь Фолкнера, Фолкнера и еще раз Фолкнера. Это объяснимо: ведь Стайрон южанин. К Хемингуэю он относится гораздо более сдержанно, находит его в чем-то даже рафинированным.

— Воздействие Хемингуэя на американскую литературу было слишком интенсивным. Все теперь пишут, как Хемингуэй. Вы знаете, даже Фолкнер был под его влиянием, — улыбается Стайрон. — Да, да, не удивляйтесь. Редактор Фолкнера однажды мне рассказывал, что, читая в рукописи одну фолкнеровскую повесть, он обратил внимание на довольно непривычный для Фолкнера оборот: «Привет, старик!» Сначала он не придавал этому значения, но страницы через две эта фраза попала ему опять, потом снова: «Привет, старик!» Когда он увидел с Фолкнером и указал ему на всех этих «стариков», писатель пожал плечами и сказал: «Чему вы удивляетесь? Я ведь как раз в это время читал «По ком звонит колокол!»

Стайрону нравятся писатели, стремящиеся прорваться к «сырой», не укладывающейся ни в какие схемы жизненной правды, писатели, создающие свой собственный мир, отмеченный резко проступающими чертами их личной и художественной инди-

видуальности: Флэннери О'Коннор, Мейлер, Эллисон, ранний Джеймс Джонс. И очень не нравятся те, кто, закрывая глаза на действительное положение дел, «твердят со страниц «Тайма», что «американская мечта» не сегодня-завтра осуществится». И тут Стайрон неожиданно упоминает Апдайка. Все, что видел Апдайк, полагает наш гость, — это университет, литературная среда, интеллектуальная элита. Правда, он молот, даровит и, быть может, в будущем создаст действительно выдающиеся произведения, но пока, говорит Стайрон, «я не нахожу в его книгах ничего, кроме умения мастерски передавать лежащие на поверхности характерные черточки жизни». С этим, наверно, согласятся далеко не все читатели «Кентавра» и «Фермы».

«Под занавес», конечно же, традиционный вопрос о ближайших творческих планах Стайрона. Зная, что он принадлежит к тому типу писателей, которые работают над книгой не один год и не любят говорить о ней, пока физически не ощутят весь каркас будущего здания и даже отдельные архитектурные детали, мы задаем этот вопрос не без осторожности. Но на этот раз Стайрон не уклоняется от ответа — быть может, потому, что американская жизнь подсказывает сегодня писателю его склада слишком много тем, чтобы они могли долго «простаивать». Так или иначе, у Стайрона уже есть замысел новой книги. Это будет роман об армии, о жизни морских пехотинцев, как говорит Стайрон, нечто вроде продолжения «Долгого марша».

А. ЗВЕРЕВ

